

Фарид Зайдулла

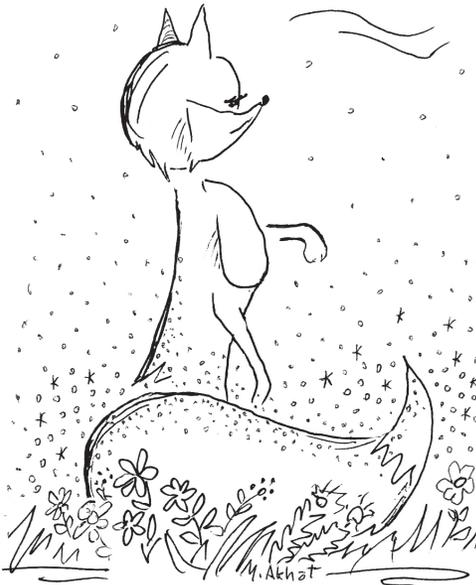
Краснохвостая лисица

Колыбель была подвешена, казалось, к самой середине потолка. Я протёр кулаком глаза и мне показалось, что колыбель катастрофически увеличилась в размерах и охватывала уже весь дом. Я закрыл уши, но пронзительный голос моего братишки, преодолевая все преграды, настойчиво требовал к себе внимания. По ушам словно били колотушкой. Так колотил калитку соседский Фарид, зазывая меня на улицу.

А вот и он. Снова зовёт играть.

На улице хорошо. Только что прошёл дождь, и звонкие ручейки ещё бегут по колеям от колёс, и по ним плывут белоснежные кораблики, сложенные терпеливыми пальчиками девочек.

Братишка наконец перестал орать, предпочтя более приятное занятие, – он сладко заснул, чмокая во сне. А я стремглав бросился к дверям. Вся детвора собралась у дома Фариды. В толпе выделялась необычная девочка, одетая в белое платье в розовых яблочках, обутая в белоснежные туфельки. Она была такая миниатюрная! При виде такой красоты я почувствовал какую-то неловкость и невольно посмотрел на свои пальцы, выпирающие из потасканных башмаков.

– А у нас гостья! – громко объявил Фарид, при этом смотря на меня с явным то ли сочувствием, то ли сожалением.

Чумазые сорванцы переминались с ноги на ногу, разглядывая это чудо, приехавшее в гости, увы, не к ним, а к этому задаваке Фариду.

Наконец, стоящий с краю Наби с ухмылкой полез в карман, вынул оттуда какой-то тёмный предмет и сказал:

– Магнит!.. Притягивает железо с десяти метров!

– А у меня братишка есть! – с гордостью сообщил я.

– И у меня! – не отставал Наби.

– А у меня сестрёнка, во-от такая махонькая! – сообщил Фарид, показывая руками малый рост малышки-сестрёнки. – К тому же наша гостья!

Тут у меня зачесался глаз. Почему бы и к нам не приехать в гости такой красивой девочке!

А может, девочка-гостья бывает только одна?

– А моего братишку принесла краснохвостая лиса, – торжественно сообщил я. – Ночью. Когда вы все дрыхли.

Тут пацаны попадали от хохота, девочки противно захихикали, и только гостья-куколка, не отрывая глаз, смотрела на меня.

– Нехорошо обманывать, – сказала она. – Детей находят в больнице. Неужели ты этого не знаешь?

И тут порядком уже истрёпанное облако снова заслонило собой солнце, и пошёл мелкий тёплый дождик.

На обочине села показалась подвода с запряжённой в неё лошадкой. На телеге сидел местный охотник дядя Аляй с ружьём за спиной. Забыв о госте, мальчишки побежали навстречу охотнику. И только я как вкопанный остался на месте: рядом с дядей Аляем на телеге вытянулась во весь рост красно-бурая лисица!

Из оскаленной морды текла на солому тонкая струйка, похожая на клюквенный сок.

Аляй матюгнулся и дёрнул вожжи, заставляя понурую лошадку перешагнуть один из образовавшихся после дождя ручьёв. Красный пушистый хвост лисицы свисал с телеги. Только он уже не горел золотом, как в сказке, а дрожал мёртвой дрожью, весь залепленный чёрной, как дёготь, деревенской грязью, и дрожь эта, казалось, передавалась и мне, продолжавшему стоять рядом с такой очаровательной и миниатюрной, но уже всезнающей девочкой-гостьей.

Салиара

Состояние мальчика ухудшилось, и к вечеру снова поднялась температура.

Суетились родители, переговариваясь между собой, смутные обрывки их разговора долетали до уха больного ребёнка. Мальчик молча слушал шум бьющего по окну дождя. Ему хотелось распахнуть окно настежь и высунуть наружу свою воспалённую голову, может, она тогда хоть немного охладится.

Дождь шёл со вчерашнего дня. Сегодня он с друзьями должен был идти на Сухую реку. Не получится. Мальчишки, наверное, уже в пути. Сами доберутся? Вчера он им дорогу показывал, а сегодня...

Сначала ему не верили, дескать, что за чушь, нет и не бывает в природе такого цветка.

– Айда посмотрим? – предложил мальчик. Он не кипятился, не доказывал, а спокойно, как бы между прочим оповещал.

И они на склоне горы увидели волшебный цветок. Было уже темно, но сияние этого редкого, сказочного цветка заполнило всю округу.

– Нельзя его срывать, – сказал он своим друзьям. – Вот мы увидели его и стали бессмертными.

На обратном пути было холодно, лил неожиданный дождь и мальчик, наверно, простудился.

– Завтра сюда опять придём! – говорили взволнованные мальчишки.

– И может, сорвём его! – сказал один из них, глядя на него.

...Отец положил свою прохладную ладонь на горячий лоб сына.

– А у Гильмуллы машина сломалась.

Кому охота гробить свою машину в такую распутицу?

Но об этом отец сыну не говорит. А мальчику очень хочется сказать, но у него на это сил не осталось. Он хотел сказать, чтобы папа не искал напрасно машины, ведь его сыну ничего не угрожает, и с ним ничего плохого не случится, потому что он видел, как цветёт Салиара. Увидевшие этот цветок бессмертны... Они никогда не умрут! Лучше бы папа сидел рядом с ним подольше и держал свою прохладную руку на его горячем лбу.

Когда машина была найдена и остановилась у ворот его дома, дождь уже перестал лить. Розовый свет вселенной слабо освещал лицо мальчика, и казалось, что это падали на него лучи волшебного цветка Салиара.

Маленькая-маленькая лягушка

Ветки клёна стучат об окно, несколько листочков прилипли к мокрому стеклу. Старой шалью плывут по небу хмурые облака, если долго на них смотреть, почему-то хочется плакать. Но я не плакса и не трус, когда папа с мамой на работе, я целый день провожу дома один.

Меня будят рано утром. Потом мы втроём пьём чай. Папа в основном молчит, а мама, как обычно, тараторит одно и то же: на улицу не выходи – простудишься, с электричеством не балуйся – опасно, то не делай, это нельзя и так далее. Как будто я маленький!

Вот они, подхватив портфели, направляются на работу. Я остаюсь один. Для начала смотрю альбом. Конечно, я его уже сто раз перелистывал, но всё равно интересно, даже если неинтересно, всё равно смотрю, что мне ещё остаётся делать? Покончив с альбомом, я подхожу к окну, прижимаю нос к стеклу и долго-долго смотрю на улицу. Там холодно, дома – тепло. А на улицу всё равно выйти хочется. Фариду хорошо: у него куча братьев и сестёр, ему скучать некогда, уже несколько раз он появлялся перед нашим домом, махал рукой, призывая на улицу, даже язык показал. Внутренне я завидовал ему, но не подавал виду, лишь плотнее прижимал нос к стеклу.

Снова он появился, жестикулирует, давая понять, что дело есть важное. Надо будет выйти, а то и так дразнят «домоседом» или просто домовым.

Фарид встретил меня, разинув рот шире варежки.

– Чего на улицу не выходишь?

– Дождь идёт...

Он шмыгает носом:

– Это сначала так кажется, потом будто и нет его.

И вдруг, приблизившись ко мне вплотную, заговорщически прошептал прямо в ухо:

– А у нас маленькая лягушка есть!..

Я удивлённо посмотрел на него:

– Где?

– В подполе. Из сада пришла.

Потом мы некоторое время играли в лошадок с длинными палками. Пока я не вспомнил, что мне нельзя долго играть, потому что скоро вернётся с работы мама. Бегу домой, и слышу вдогонку голос Фариды:

– А у вас есть лягушка?

«Почему бы и не быть ей у нас!» – резонно думаю я, открывая калитку.

Как только начинает смеркаться, приходит с работы мама и начинает готовить ужин. Появляется и папа с большим, размером с Фариду, портфелем. Мы ужинаем. Вспоминаю про маленькую лягушку и спрашиваю:

– А у нас есть маленькая лягушка?

Папа делает удивлённое лицо:

– Откуда?

Повторяю слова Фариды:

– Из сада... в подпол перебралась...

Папа добродушно смеётся:

– Что ты! Как она туда попадёт! У нас фундамент бетонный, да и высокий. Так что исключено!

Мама встревоженно смотрит на меня.

После сытного ужина папа принимается за просмотр газет. Мне стелят постель. Ныряю под тёплое одеяло и думаю: а маленькой лягушке, наверное, холодно в саду?.. И мне почему-то становится грустно...

Маймыч

Мама провожала Маймыча в школу приговаривая:

– Будь умницей, учись хорошо.

Но Маймычу не хотелось идти в школу, вода была тёплой, солнышко светило, проникая до самого дна озера. Не добравшись до школы, Маймыч подплыл к самому берегу, где было особенно светло и радостно, а с обрыва свисала гирлянда сочных червей.

Тут откуда ни возьмись появился сивоусый карп и, шевельнув толстыми губами, предостерег глупого Маймыча-пескаря:

– Не болтайся в этом месте! Видишь этих червей?

Конечно, Маймыч ведь не слепой.

– Они насажены на крючки, – продолжал карп, поправляя на горбатом носу свои старенькие очки. – Схватишь один из них, и поминай как звали, вмиг очутишься на берегу в садке... Смотри у меня!..

А Маймычу уж очень захотелось попробовать этих жирных червей. Что если попробовать осторожно стянуть с крючка вот этот аппетитный экземпляр?

Маймыч не успел опомниться, как взвился в воздух и очутился на берегу в руках какого-то мальчишки.

– Фу, какой-то маленький! – плюнул на него мальчишка и бросил добычу обратно в воду.

Ай-яй-яй!..

Только на дне озера пришёл в себя Маймыч. Вокруг него собрались другие рыбы. Приплыла и мать. Карп хотел было проучить Маймыча ударом хвоста по спине, но раздумал и презрительно отвернулся: мол, что с него взять, дурака?

– Ну и что? – упрямо закричал Маймыч. – Подумаешь, крючка испугались! Зато я мир повидал. Встретился с одним мальчиком, он даже поздоровался со мной, сказал: «Привет, Маймыч!» Вот так-то!

– Маймыч мир увидел! – удивились другие мальки.

– А вы совсем оупели здесь, на тёмной глубине! – продолжал насмехаться Маймыч. – Между прочим, тот мальчик пообещал, когда подрасту, взять меня с собой в Казань! Там я выучусь по-русски, стану большим человеком, а с вами вообще перестану общаться, язык беречь надо!

– Ай-яй-яй!.. – качали головами неразумные мальки.

С тех пор Маймыч совсем распоясался, обленился, по утрам даже чешую перестал чистить, не делал утреннюю зарядку, в школу не ходил.

– Зачем мне эта школа? Чему могут обучить меня глупые рыбы?

Он с удовольствием нежился в иле и так растолстел, что еле двигался. Словом, жил в своё удовольствие. Только не оставляла его мысль повидать настоящий мир. И поплыл он к тому месту, откуда в воду свешивались аппетитные черви.

Схватил одного, и – хоп! – в одно мгновение очутился на берегу.

– Ого! – восхитился мальчик, – какой жирный! На всю сковородку!

Сунул улов в садок, а вскоре, как и мечтал, поехал в сторону стольной Казани.

Мышка-художница

Мышка по имени Пискля была ещё очень маленькой. Жила она вместе с бабушкой в норке под землёй. Захотелось однажды ей выйти наверх, на воздух.

– Долго не ходи! – предупредила её бабушка, сидевшая в углу с пряжей.

А наверху... Всё вокруг белым-бело от выпавшего снега! Весь мир одет в белое.

Холодно. Чтобы согреться, принялась Пискля бегать туда-сюда. Потом остановилась и посмотрела на свои затейливые следы: получался какой-то рисунок. Вот это горы, у их подножья шумит лес, колеблются травы. А на горизонте восходит солнце.

– Как красиво! – подумала Пискля. – Когда подрасту, обязательно приду к этим горам!

В эту минуту она сама была и художником, и кистью.

На другой день снова повалил снег и замёл рисунок Пискли.

– Не расстраивайся, – успокоила её бабушка. – Придёт весна, растопит снег и откроется твой чудесный рисунок.

И Пискле не оставалось иного выбора, как только ждать весны, чтобы играть с подружками на созданной ею лесной поляне.

Дыхание весны

В одном тёмном лесу есть одна избушка, где живёт девочка по имени Язиля. Вот она прильнула к окну и смотрит на божий свет. Но девочке ничего не видно, потому что к окну примерз большой лист папоротника.

Папа девочки работает лесником. Мама пошла кормить домашний скот. Девочка одна.

Ей так хотелось выбежать на зелёную лужайку, побегать по ней, поиграть, поваляться на травке и весело смеяться!

Увы, природа скована морозом и присыпана снегом. Пронестись бы весенним ветром среди этого белого безмолвия!

Вот так!.. Язиля подышала на окно, и на листке папоротника появилась капля тепла.

А снаружи царило белое безмолвие...

Поэт и дождь

У окна сидел мальчик. Перед ним лежал чистый лист бумаги, на котором было выведено одно слово: «Дождь».

Действительно, на улице шёл дождь, и деревья будто махали кому-то голыми своими ветвями. Или они так пытались согреться? Да и дождю, наверное, холодно, ведь у него нет веток чтобы согреться.

Дождинки стучали и стучали о стекло.

Мальчик открыл окно, пусть дождь зайдёт в дом и хоть немного согреется!

Комната наполнилась дыханием весны. Дождь с удовольствием потёр свои озябшие руки. Несколько капель упали на листок бумаги и затанцевали на нём, и начатое мальчиком стихотворение затанцевало вслед за дождём. Словно силясь прочитать эти строки, из-за облаков выглянуло, наконец, солнце.